

Немецкие стихотворения-каталоги: упорядоченность смыслов статичного средневекового мира

Аннотация. Жанр каталога привлекает исследователей, но если каталогам в прозе посвящены некоторые исследования литературоведов, то исследований жанра каталога в лирике практически нет. В статье мы обращаемся к жанру каталога в средневековой немецкой поэзии XI-XIV вв., где каталог играл важную роль, служа способом упорядоченности смыслов окружающего мира. XIII век явился временем расцвета средневековых поэтических каталогов, XI-XII вв. подготовили его, а XIV в. явился его завершающей фазой и переходом к городской литературе. В Средневековье возникает и развивается целый ряд списков, которые заложили основу религиозных и светских субжанров каталога: списки с именованиями бога и богородицы, знати и представителей монашеских орденов, поэтов и правителей, списки человеческих грехов, списки растений и камней, времен года и суток, список средневековых наук, «женские» списки, списки литературных, античных и библейских персонажей и другие. Они способствовали не только архивированию артефактов, но и описанию мира в его статике и упорядоченности. Для каталогизирования мира средневековые поэты использовали такие религиозные и светские жанры, как шпрух и лейх, танцевальная и богородичная песня, хвалебная и жалобная песня, утренняя и вечерняя песня, молитва и псалом, видение и откровение, песня-алфавит и букварь, «дурацкая» история и басня. Если в более раннем Средневековье преобладали каталоги, регламентировавшие религиозную сторону жизни человека, списки богов, королей, монашеских орденов, кодекса рыцарского сословия, то с XIII в. происходит поворот к описанию жизни частного человека с его представлениями о любви, добродетели, грехе, семье, вере, профессии, темпераментах, работе, отдыхе, времяпровождении, что подготовило зарождение городской литературы. Наиболее важную роль в развитии поэтических каталогов в немецкой литературе сыграли Райнмар, Марнер, Майснер, Фрауенлоб, Мехтильда и др.

Ключевые слова: стихотворение-каталог, женские и литературные списки, регламентация, коллекционирование, религиозная и светская поэзия.

Жанр каталога в литературе достаточно распространен, назовем в качестве примера хотя бы перечисление кораблей и военной амуниции в гомеровской «Одиссее» или перечисления блюд, поедаемых Тором на своей свадьбе, раблезианские списки в жизнеописании Гаргантюа и перечисления всех достопримечательностей города Нюрнберга в стихотворении Ганса Сакса, посвященном родному городу. Прекрасную подборку стихотворений-каталогов содержит антология «Поэтические языковые игры» [Poetische Sprachspiele 2004]. Жанр каталога привлекает исследователей и в связи с изучением постмодернистской литературы, где коллекционирование и каталогизирование является одним из важных принципов поэтики постмодернизма [Кучумова 2009]. Если каталогам в прозе посвящены некоторые исследования литературоведов [Gurjewitsch 1978, Бахтин 1990; Жолковский 2014], то исследований жанра каталога в лирике практически нет [Shvabrin 2011]. Обратимся к жанру каталога в средневековой немецкой поэзии XI-XIV вв., где каталог играл важную роль, служа способом упорядоченности смыслов окружающего мира. XIII век явился временем расцвета средневековых поэтических каталогов, XI-XII вв. подготовили его, а XIV в. явился его завершающей фазой и переходом к городской литературе, что в целом совпадает с этапами зрелой и поздней средневековой литературы [Rothmann 2009]. Покажем на примере отдельных стихотворений значения, которые связывались с определенными числами, и те лирические жанры, которые гармонично контаминировались с жанром каталога. Отметим также особенности поэтики списков в религиозной и светской поэзии Средневековья.

В ограниченных средневековых представлениях земной мир, созданный богом, был конечен и укладывался в определенную систему чисел, каждое из которых имело свой смысл [Язык символов 2005], а «слово было столь же эффективно, как и дело» [Гуревич 1981: 327]. Ветхий Завет давал языческое представление о статике мира, Новый Завет пополнил его христианскими понятиями и дополнительными смыслами, в частности для числовых обозначений, ведь «христианство рассматривало историю как нечто в себе заключенное и завершенное» [Batkin 1979: 420]. К тому же жизнь в монастырях, где проводили свою жизнь некоторые поэты, была жестко регламентирована. Большею частью монастыри стали местом коллекционирования и архивирования древних памятников – в них были собраны обширные библиотеки [Таньчук 2016: 136]. Все это создавало благоприятную почву для воз-

никновения литературных списков, поэтических каталогов, инвентарных литературных описей.

Средневековые поэты в XI-XII вв. обращаются преимущественно к религиозной тематике и посвящают свои песни Христу. Неизвестный автор XI в. пересказывает историю создания мира, положив ее на стихи: вначале было слово, и слово это было сын божий, бог неба, моря и воздуха и всего живого, а также человека. После падения Адама наступила ночь и тьма, только звезды светили, и бог послал истинное солнце. Свой свет принес и Авель, показав пример смерти за справедливость. Из ковчега Ной дал надежду на солнце, Абрам своим примером подарил надежду на небо, а затем и благородный Давид и т.д. [Deutsche Lyrik 2001: I, 43-44]. В этом стихотворении обнаруживается список творений божьих, а также список библейских персонажей.

Типично для Средневековья создание списка именованний бога и богородицы. Хильдегард фон Бинген (1098-1179), посвящая свой «Гимн в честь святого духа», называет его «огненным духом», «соединением воли и томления», «драгоценной мазью от всех переломов и гниющих ран» [Gedichte berühmter Frauen 2001: 9], вплетая определения в условные предложения, которые указывают на зависимость человеческого духа от божественного. «Секвенцию в честь святой Марии» Хильдегард строит из придаточных предложений причины – в них включены свойства божественной природы богородицы: «чудесно принявшийся росток», «жар солнца», «аромат бальзама», «чудесный цветок» [Gedichte berühmter Frauen 2001: 9]. В конце секвенции, что характерно для поэзии о богородице, Мария противопоставляется Еве, нарушившей заповедь бога.

Неизвестный автор второй половины XII в. в «Песне о Марии» помимо библейских персонажей, связанных с историей рождения Христа, приводит ряд метафор, которыми наделяется богородица: лилия, голубка, источник, сад, ливанский кедр, иерихонская роза, вторая мать [Deutsche Lyrik 2001: I, 52].

Перечисленным спискам противостоит каталог качеств человека и его грехов. Неизвестный автор второй половины XII в. в «Жалобе о грехах» дает список человеческих грехов: убийство, грабеж, чародейство, блуд, жажда земной славы, зависть, ненависть, чревоугодие и т.д. [Deutsche Lyrik 2001: I, 59-60].

Вальтер фон дер Фогельвайде (1170-1230), один из величайших поэтов Средневековья, привнес много новых тем в немецкую поэзию. В майской песне он призывает радоваться наступлению весны и всем поименно встать в хоровод и танцевать. В этой песне он называет имена танцующих: Гунтар, Вальфрид, Врена, Дитхольд, Улант, Элена – всего 16 имен. Он называет сначала 7 имен, имея в виду внешний круг,

затем сужает его до 5, 2 и 2. Подытоживает стихотворение он тем, что «радость покинула Австрию» и ее нужно вернуть, следуя народным традициям водить майские хороводы [Deutsche Lyrik 2001: I, 145].

Пожалуй, наибольшее количество списков разного плана создал Райнмар фон Цветер (1227-1248). Их можно разделить на две группы, которые противопоставлены как воплощения добра и зла, величия и падения: одна содержит положительные характеристики и посвящена Христу, императору, благородным людям, другая – грешникам, интриганам, всезнайкам. В одном из стихотворений Райнмара список именован Христом составляет третью часть текста: «Gott, Ursprung alles Guten, Gott, umfassender Kreis jenseits aller Weite und aller Länge, Gott, Überhöhung aller Höhe, Gott, endloser Abgrund jenseits aller Tiefe!» [Deutsche Lyrik 2001: I, 224] («Бог, источник добра, бог, охватывающий все круг по ту сторону широты и долготы, бог, бесконечная глубина по ту сторону всей глубины»). Песня звучит как хвала заступнику, пострадавшему за людей на кресте, и защитнику всех от ада и проделок дьявола. Райнмар защищает брак и ставит его выше всех существующих орденов, список которых он приводит: Barfüßermönche, Kreuzordensbrüder, graue, schwarze, weiße Mönche, Lazariten und Märtyrer, Schottenbrüder, Domherren, Nonnen, Weltgeistliche [Deutsche Lyrik 2001: I, 245] («босые монахи, братья крестового ордена, серые, черные, белые монахи, лазарейцы и мученики, шотландские братья, служители соборов, монахини, священники в миру»). Райнмар делает вывод о том, что они существуют благодаря институту брака и не противостоят ему.

В следующем стихотворении Райнмар приводит список достоинств императора Фридриха: «сокровище в сокровищнице верности, хранитель христианства, рука мира» и т.д. [Deutsche Lyrik 2001: I, 238]. В другой песне Райнмар рассуждает о том, как бы он изобразил настоящего мужчину и приводит список: die Augen des Straußes, den Hals eines Kranichs, eine glattpolierte Zunge, zwei Schweinsohren, das Herz des Löwen, die Hände – eine des Adlers und eine des Greifen, die Füße eines Bären [Deutsche Lyrik 2001: I, 232] («глаза страуса, шея журавля, гладкий язык, два свиных уха, сердце льва, руки: одна – орла, другая – грифа, ноги медведя»). Во второй части стихотворения он разъясняет позитивные качества каждой составляющей этой внешности. Райнмар пишет и о двух видах благородных людей: одни являются благородными по рождению и имени, другие – по мыслям и поступкам. Поэт говорит о том, что он не выйдет на поединок с тем, кто совершает постыдные и бесчестные дела и приводит род к падению [Deutsche Lyrik 2001: I, 230]. Он продолжает свою мысль и в песне о ягненке и слоне, где первый благодаря вере может перейти реку вброд (метафора хри-

стианства), а второй, который хочет знать больше, чем может, – не может этого сделать [Deutsche Lyrik 2001: I, 231]. Райнмар рассуждает о мере вещей в песне, где приводит список мер (Mundvoll, Handvoll, Schoßvoll, Malter, Scheffel [Deutsche Lyrik 2001: I, 232]), чтобы предупредить о необходимости соблюдать меру. Кроме нечестных людей наибольший гнев поэта вызывают интриганы и обманщики. Он называет грешников (Intrigant, Lügner, Betrüger, Täuscher, Vielfraß und Fresssack, Vogelfreier, Dieb, Meineidiger, Räuber [Deutsche Lyrik 2001: I, 233] – интриган, вран, лжец, обманщик, обжора и чревоугодник, отверженный, вор, клятвopеступник, разбойник), их отрицательные качества и преступления (Unzuverlässigkeit, Bosheit, Räuberei, Treulosigkeit, Schande, Mord, Brandstiftung, Neid, Leichtfertigkeit, Gesinnungslumperei, Höfefeinderberei, Spott, Falschheit, Ohrenbläserei und Intrige [Deutsche Lyrik 2001: I, 242] – ненадежность, злоба, разбой, неверность, позор, убийство, поджигательство, зависть, ветренность, беспринципность, моральное разращение двора, насмешничество, лживость, наушничество и интрига) и изображает их в танце «мира» (как известно, эта дама – а «мир» («Welt») по-немецки женского рода – символизирует двойственность земной жизни: таково ее изображение на южном портале собора в Вормсе, таково и ее описание в средневековых песнях): [Deutsche Lyrik 2001: I, 243].

Весенние песни Тангейзера (1227-1266), легендарного средневекового поэта, с одной стороны, дают списки цветов (фиалки, клевер, крокусы, и даже лилии и розы), благоухающих весной, с другой стороны, – список всех прелестей женской красоты: глаза, рот, шея, волосы, руки, ноги [Deutsche Lyrik 2001: I, 258-259]. В этой же песне герой Тангейзера представляет донжуанский список имен, содержащийся в приглашении счастливого влюбленного, который зовет девушек разделить с ним его радость и потанцевать: Адельгейда, Ирмгард, Кунигунда. «Не танцует та, которая беременна», – шутит немецкий ловелас. В другой песне, в которой герой Тангейзера также приглашает всех танцевать под свою песню, поэт кроме привычного списка красоты возлюбленной дает и описание весьма интимных подробностей ее тела. В конце песни он сравнивает ее с королевой, коронует своей песней и заявляет, что предпочел бы ее императрице [Deutsche Lyrik 2001: I, 265-266].

Марнер (2-ая половина XIII в.) предлагает немало списков, которые разворачивает в занимательные рассказы, похожие на шванки или анекдоты о необыкновенных происшествиях и людях. В одной песне поэт рассказывает о мастере, который умеет глотать огонь, жевать сталь, укрощать злых духов, выпить море, удержать тень и прочее [Deutsche Lyrik 2001: I, 275]. В другой песне он в духе поэзии о Марии

перечисляет достоинства богородицы: «величайшая из женщин, пречистая мать и дева, высокорожденная дочь бога и его невеста» [Deutsche Lyrik 2001: I, 275-6]. Марнер приводит и список творивших до него поэтов (Вальтер, Фенис, Руге, Райнмар, Генрих, Вакмут, Рубин, Найдхарт, Альбрехт), в соответствии со средневековой эстетикой считая, что имеет право «рвать цветы из их сада шпрухов» [Deutsche Lyrik 2001: I, 277]. В другом стихотворении Марнер ополчается на деньги и богатство, которые несут в мир зло, и приводит список сравнений, чтобы подтвердить бессмысленность и даже зло зарытых кладов: «Зарытый клад, скрытая мудрость значат для мира так же мало, как полет совы, вонь ястреба, зев вороны, когти орла, зубы волка, крылья комара, кваканье лягушек» [Deutsche Lyrik 2001: I, 279]. Завершается стихотворение призывом к богатым людям помочь бедным – такой клад (добродетель), как считает поэт, может помочь им на Страшном суде

Герман Дамен (последняя треть XIII в.) вслед за Марнером дает список выдающихся поэтов прошлого (Райнмар, Вальтер, Рубин, Найдхарт, Фридрих, Марнер, Вольфрам, Клингзор) и современности (Майснер и Конрад), хваля их за «метрически-музыкальную взвешенность» [Deutsche Lyrik 2001: I, 455]. Герман по традиции именуется богородицу «матерью, пречистой девой, утешительницей мира, госпожой» [Deutsche Lyrik 2001: I, 457] и описывает славу графа, которая сладка, как «сахар и мед», драгоценна, как «бальзам, благородные камни и пахучие эссенции» [Deutsche Lyrik 2001: I, 460].

Важное место занимают списки в поэтологических стихотворениях. Райнмар дер Фидлер (2-ая треть XIII в.) перечисляет песни, которые поют его современники: рабочие, жалобные, крестовые, шуточные, элегические, танцевальные, лейхи [Deutsche Lyrik 2001: I, 314]. Фридрих фон Зунненбург (2-ая треть XIII в.) посвящает песню искусству и составляет список его свойств: «оно восхваляет, радует, воздействует, служит в церкви, просвещает, оно – божье послание и милость и заслуживает богатых подарков» [Deutsche Lyrik 2001: I, 328].

Хардегер (2-ая треть XIII в.) в песне-просьбе к апостолам о помощи перечисляет тех, к кому он обращается: Иоанн и Павел, Петр, Яков и Андрей, Бартоломей и Томас, Филипп и его брат Яков младший, Симон, Иуда и Матфей [Deutsche Lyrik 2001: I, 286]. Рядом с библейскими персонажами в поэзии этого времени оказываются и языческие боги. Конрад Вюрцбургский (2-ая треть XIII в.) посвящает свою танцевальную песню греческим богам, список которых разворачивается до рассказа об их деяниях: это Венера, Амур, бог войны, развязавший Троянскую войну. Конрад обращается к женщинам-

слушательницам и говорит о любви как защите от насилия [Deutsche Lyrik 2001: I, 360].

От богов поэты снова обращаются к современности. Зигехер (1251-1268) в актуальном политическом стихотворении избегает называть имена правителей, сообщая о государственных переворотах, но эти имена были понятны современникам и установлены современными историками: это Конрад IV, Фридрих II, Генрих Распе и Вильгельм Голландский [Deutsche Lyrik 2001: I, 342]. Штолле (3-ья треть XIII в.), в отличие от Зигехера, называет имена немецких герцогов, от воли которых зависит мирная и безбедная жизнь жителей южных немецкоязычных областей и автора в том числе: герцог Майнхард Каринтийский и Тирольский, герцог Генрих Баварский, король Рудольф, епископ Конрад Страсбургский, князь Баденский [Deutsche Lyrik 2001: I, 396].

Майснер (3-ья треть XIII в.) сочинил песню по формуле «казнить нельзя помиловать» («Ich singe dein Lob nicht verfluche dich») [Deutsche Lyrik 2001: I, 406], где он дает список императивов, на первый взгляд, исключающих друг друга, но все-таки наставляющих на добро (Böse sei nicht handle ehrenhaft!) [Deutsche Lyrik 2001: I, 406]. Песня о Святом духе, помимо привычных определений богу, содержит на 7 строк 11 повторений слова «дух», что звучит либо как заклинание, либо как поэтическая игра. Кодой стихотворения является пожелание о слиянии божественного и человеческого духа [Deutsche Lyrik 2001: I, 408]. Майснер проявляет себя достойным продолжателем Марнера, рассказывая притчи о животных и объясняя с их помощью христианской символики. Рассказывая о хамелеоне, он использует список красок, чтобы объяснить их значение в христианском смысле: желтый – «верность», красный – «богобоязненность», зеленый – «милосердие», голубой – «созвучие сердца и чувств», белый – «стремление к чести», черный – «благоразумие» [Deutsche Lyrik 2001: I, 411].

Целый ряд песен Боппе (последняя треть XIII в.), современника Майснера, составляют басни о животных и невероятные истории о неведомых странах. Поэт сообщает, что в стране Копфистан в горах Лаузании живет редкий экземпляр чудовища. Приводится целый список невероятных частей тела: тело без костей, сердца, печени и легких, ноги без ступней, рот без зубов, рога на лбу, и читатель должен угадать, что же это за чудовище [Deutsche Lyrik 2001: I, 423]. Поскольку все истории Боппе заканчиваются христианской моралью, то, скорее всего, это чудовище – дьявол. В другой песне Боппе в традиции песен о Христе и королях приводит список качеств, унаследованных королями от библейских героев: смелый как Джонатан, щедрый как Яков,

справедливый как Симеон и др. – всего 12 сравнений [Deutsche Lyrik 2001: I, 424].

Новым явлением поэзии XIII в. стали гастрономические каталоги. Штайнмар (последняя треть XIII в.), описывая плоды осени, приводит список угощений: рыба, куры, птица, свиньи, колбасы, павлины, вино, создавая поэтический натюрморт [Deutsche Lyrik 2001: I, 440].

Завершает поэзию каталогов XIII в. представительница средневековой мистики Мехтильда фон Магдебург (1207/10-1282/83), автор семи книг видений и откровений, написанных с использованием различных литературных жанров. Ее перу принадлежит ряд каталогов, содержащих списки свойств верующей души в ее взаимодействии с богом: «Хвала богу за восемь вещей», «Четверо в споре за бога», «Душа восхваляет бога в пяти вещах», «Бог сравнивает душу с четырьмя вещами», «Бог сравнивает душу с пятью вещами», «Бог ласкает душу в шести вещах», «Душа в ответ восхваляет бога в шести вещах», «О семи временах дня», «В пустыне есть двенадцать вещей», «Бог славит то, что душа преодолела четыре греха», «Душа отвечает ему, что есть лучше четырех вещей» и др. В стихотворении «Раба хвалит бога за десять вещей» поэтесса выразила экстаическую любовь к богу, выражая ее в десяти метафорах, которые отражали совершенство бога и были расположены по нарастающей к вершине. Неслучайно последнее определение звучит как «венец чести»: «Du brennender Berg» [Поэзия и правда 2012: 379]. «Ты – пылающая гора, ты – единственное солнце! / Ты – полная луна, ты – бездонный источник! / Ты – недостижимые небеса, ты – безмерная ясность! / Ты – безграничная мудрость! / Ты – бесконечное милосердие! / Ты – необоримая сила! / Ты – венец чести! / Тебя восхваляет раба твоя, которую ты создал» (пер. Т. Семеновой) [Поэзия и правда: 2012: 379]. Другой список, который предлагает Мехтильда, – «Душа восхваляет бога за пять вещей» – представляет развернутые именованья бога, которые не имеют градации устремленности к вершине, а словно возвращают бога на землю, в любящую его душу. «Ты – неумный бог в своих дарениях! / Ты – безграничный бог в своей любви! / Ты – пламенный бог в своих желаниях! / Ты – растворяющийся бог в единении со своим телом! / Ты – покоящийся бог на моей груди! / Без тебя я не могу существовать» (пер. Т. Семеновой) [Поэзия и правда 2012: 380].

В XIV в., завершающем предшествующий этап и открывающем новый, в поэтических каталогах используются метафоры и аллегории, связанные с рыцарским образом жизни. Дер Канцлер (1300-?) перечисляет в одном из стихотворений птиц и животных во время охоты (ласточка, сокол, олень, коза, а также улитка и паук), имея в виду несведущих знатоков, приписывающих мастерство недостойным [Deutsche

Lyrik 2001: II, 16]. В другом стихотворении он встает на защиту рыцарей, «высокий дух» которых противопоставляет «лживой святости». Два ряда антиномий – облачение священников и рыцарей – поддерживают его тезис (вместо «кривой палки» «прямое копьё и острый меч» и др.) [Deutsche Lyrik 2001: II, 15].

Генрих Фрауенлоб (1250-1318) в «Крестовом лейхе» дает историю Христа как «семь прыжков»-превращений: в вечное бытие, в слово, в семя, в змею (на крест), в бесконечный мрак (чистилище), на трон Соломона (вознесение), в чистые сердца верующих (в жертву людям) [Deutsche Lyrik 2001: II, 23]. В другом стихотворении Фрауенлоб приводит литературный список героев известных ему романов, совершивших героические дела: Парцифаль, Титурель и Гамурет, Гектор и Ахилл, Гавейн и Ивейн, Вальбан и Ланселот, Вильгельм и Артур, чтобы сказать, что их дела стали возможны благодаря «открытой руке князей, их добродетели и сердечности» [Deutsche Lyrik 2001: II, 34]. Следующая песня поэта, посвященная Конраду Вюрцбургскому, соединяет в себе плач с гимном. Сначала Генрих восхваляет искусство, используя для сравнения список драгоценных камней, затем он заявляет, что искусство умерло, призывает гармонию плакать вместе с ним, объясняя плач потерей «героя из Вюрцбурга», т.е. Конрада. Обращаясь к троице, Марии и небесам, Генрих поднимает образ поэта до святого. Таким образом, он соединяет здесь два списка – список ценностей искусства и качеств, подтверждающих божественную природу поэта-героя.

Генрих фон Мюгельн (?-1369), считающий правду и следование природе главными достоинствами искусства [Deutsche Lyrik 2001: II, 105], пишет стихотворение о четырех темпераментах, которое должно помочь читателю познать человеческую природу уже по внешности человека. Поэт связывает темпераменты с определенными элементами (воздух, вода, огонь, земля), внешностью, привычками и поступками людей. Этим он пытается объяснить привязанность или неприятие одних людей другими. Меланхолика он описывает с особым чувством, что позволяет предположить меланхолическую природу автора, склонного к поэзии [Deutsche Lyrik 2001: II, 113].

Об искусстве размышляет Дер Цвингер (2 четверть XIV в.), считая, что мейстерзингер должен изучить семь искусств: философию, грамматику, арифметику, логику, музыку, астрономию и риторику [Deutsche Lyrik 2001: II, 131-132].

Трансформации известных списков продолжает и Генрих Хетцбольд фон Вайсензее (1312-1345). В песне о больном влюбленном сердце он перечисляет прелести возлюбленной в форме вопросов: «За чем эти красные губы, если не для смеха?» и т.д. [Deutsche Lyrik 2001:

II, 54]. В этих обвинениях слышны интонации петраркистской лирики, но равнодушные женщины по отношению к влюбленному поэт называет грехом. Новые интонации соответствуют и более изысканной форме – три одиннадцатистрочника включают в себя разнообразные рифмы с мужскими и женскими каденциями со следующим порядком рифмовки: aabccbdedde.

Зухензин (1390/1392-?), называя любимую «короной чести», характеризует ее шестью красками: красной – рот, белой – шею, черной – глаза, светлой – волосы, голубой – неизменность чувств [Deutsche Lyrik 2001: II, 169].

К середине XIV в. появляются поэмы, которые можно отнести к «дурацкой литературе». «Сказка о перепелах» неизвестного автора – пример поэмы о небылицах, строфы которой заканчиваются рефреном – «один перепел в мешок» и т.д., пока их число не достигает двенадцати. Эта притча не имеет отношения к сюжету, она может означать только, что еще одна ложь «проглочена» слушателями. Поэма Иоганна из Нюрнберга «De vita vagorum» (1 половина XIV в.) рассказывает о странствующем школяре, вступившем в «орден страха и забот». Элементы авантюрного романа переплетаются здесь с народными рассказами о ловких плутах, обманывающих глупых священников и женщин, чтобы обеспечить себе приют и пропитание. Конечно, один из списков представляет собой перечень даров: мясо, деньги, хлеб, лен, нитки, репа, груши [Deutsche Lyrik 2001: II, 67-68]. Далее следует список умений «ученого» школяра, а также уроков, которые тот дает женщинам: мыть уголь, смазывать потерянную девственность мазью, во избежание разных неприятностей поворачиваться задним местом к луне и т.д. [Deutsche Lyrik 2001: II, 68]. Иоганн приводит и список профессий, которыми овладевает школяр: игрок, постовой, мошенник, проповедник и проч. В конце поэмы Иоганн признается, что ему не понаслышке известны заботы школяра, так как он сам был в подобных переплетках. Так, он относит себя к поэтам-бродягам, которые живут надеждой на божью милость.

Петер Зухенвирт (1320-1395) в поэме «О двух папах» дает списки земель, в которых одни выбрали папу Урбана из Рима (земли от Ливонии до Тосканы, от Рейна до Венгрии), а другие – папу Клеменса из Женева (Прованс и Франция, Испания, Португалия, Арагон). Зухенвирт выражает опасение, что двоевластие приведет к расколу католического мира и просит бога о милости [Deutsche Lyrik 2001: II, 139-40].

Монах из Зальцбурга (конец IV в.) (так называли себя два монаха из Зальцбурга – Герман и Мартин) предлагает два варианта «Золотого алфавита монаха». Первый состоит из суммирующей строфы, содержащей все буквы, и еще 23 строфы для каждой буквы отдельно, кото-

рые образуют религиозный букварь. Второй алфавит – «Золотое кольцо монаха» – обращен к богородице, для которой монах сделал кольцо с шестью драгоценными камнями из букв, составляющих имя Христа – Ihesus, где первая буква – из жемчуга, вторая – из топаза, третья – из изумруда, четвертая – из рубина, пятая – из сапфира и шестая – из бриллианта. Чередование камней включает в себе, по мнению поэта, и чередование времен года, и чередование месяцев. Перу этого автора приписывается стихотворение «Осень», в котором отведавший вина нового урожая герой размышляет об изменчивости своего темперамента вследствие выпитого вина от сангвиника и флегматика до холерика и меланхолика и сожалеет о своих грехах [Deutsche Lyrik 2001: II, 168].

Стихотворение-шутка неизвестного автора конца XIV в. рассказывает историю, услышанную им от извозчика, что распри в Риме закончатся, когда сойдутся вместе пять человек. Поэт называет своих претендентов на роль миротворцев: «цирюльник, никогда не потевший»; «маклер, никогда не лгавший»; «мельник, никогда не кравший»; «драчун, никогда не царापавшийся»; «третейский судья, чинящий свои злодеяния и никогда не клявшийся» [Deutsche Lyrik 2001: II, 170]. Понятно, что таких людей не бывает, роль миротворцев им никогда не исполнить и не положить конец распрям.

Таким образом, средневековые литературные каталоги содержат именованья бога и богородицы, знати и представителей монашеских орденов, человека с его грехами, темпераментом и профессией, животных, указывающих на человеческие свойства и занятия, списки растений и камней, времен года и суток, список средневековых наук, «женский» список, список литературных, античных и библейских персонажей, поэтов и правителей. В ходе исследования было установлено, что в Средневековье существовали каталоги, разъясняющие смысл красок и букв, чисел и природных элементов. Для этого средневековые поэты использовали такие религиозные и светские жанры, как шпрух и лейх, танцевальная и богородичная песня, хвалебная и жалобная песня, утренняя и вечерняя песня, молитва и псалм, видение и откровение, песня-алфавит и букварь, «дурацкая» история и басня. Если в более раннем Средневековье преобладали каталоги, регламентировавшие религиозную сторону жизни человека, списки богов, королей, монашеских орденов, кодекса рыцарского сословия, то с XIII в. происходит поворот к описанию жизни частного человека с его представлениями о любви, добродетели, грехе, семье, вере, профессии, темпераментах, работе, отдыхе, времяпровождении, что подготовило зарождение городской литературы. Наиболее важную роль в развитии поэтических

каталогов в немецкой литературе сыграли Райнмар, Марнер, Майснер, Фрауенлоб, Мехтильда и др.

Представленное исследование жанра каталога в средневековой немецкой поэзии предполагает продолжение изучения данного жанра в городской литературе эпохи Реформации, Барокко, Просвещения и далее, вплоть до наших дней (вершиной жанра является «Инвентаризация» (1945) Г. Айха), что даст возможность проследить закономерности в развитии жанра и особенности его проявления и функционирования в каждую из эпох, чтобы в частности понять, почему этот жанр приобретает первостепенное значение в современной постмодернистской поэзии.

Литература

Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965. 752 с. [//www.gumer.info/bibliotek-Buks/Culture/Bucht/index.php](http://www.gumer.info/bibliotek-Buks/Culture/Bucht/index.php)

Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство, 1981. 358 с.

Жолковский А.К. Каталоги / *Zvezda*/2014/6/zh01-pr.html (дата обращения 05. 2016)

Кучумова Г.В. Немецкоязычный роман 1980-2000 гг.: курс на демифологизацию: монография. Самара: Самар. гуманитар. акад, 2009. 152 с.

Поэзия и правда: Немецкоязычная женская поэзия: сб. эссе / под ред. Т.Н. Андреюшкиной. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2012. 404 с.

Таньчук Р. Искусство коллекционирования. Коллекционирование как форма культуральной активности / пер. с польск. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2016. 370 с.

Язык символов: числа, фигуры, время/ сост. В.М. Рошаль. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 400 с.

Batkin L.M. Die historische Gesamtheit der italienischen Renaissance: Versuch einer Charakterisierung eines Kulturtyps / aus dem Russ. von I. Faix. Dresden: Verlag der Kunst, 1979. 503 S.

Deutsche Lyrik von den Anfängen bis zur Gegenwart. In 10 Bd. / hrsg. von W. Killy. München: DTV, 2001. Bd. 1. 557 S; Bd II. 443 S.

Gedichte berühmter Frauen / hrsg. von E. Borchers. Frankfurt/Main: Insel, 1996. 312 S.

Gurjewitsch A.J. Das Weltbild des mittelalterlichen Menschen / aus dem Russ. von G. LoBak. Dresden: Verlag der Kunst, 1978. 433 S.

Poetische Sprachspiele. Vom Mittelalter bis zur Gegenwart/ hrsg. von K.P. Dencker. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2002. 428 S.

Rothmann K. Kleine Geschichte der deutschen Literatur. 19., erweiterte Auflage. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2009. 542 S.

Shvabrin S. The Burden of Memory: Mikhail Kusmin as Catalog Poet // The many Facets of Mikhail Kusmin: A Miscellany / ed. of Lada Panova. Bloomington, 2011. p. 3-25.

А.И.Жеребин

УДК 1(091) (Ницше Ф.)
ББК ЮЗ (4Гем) 5-686

Загадка великого разрыва. К антропологии декаданса в книге Ницше «Человеческое, слишком человеческое»

Аннотация. Страсть к разрывам и мания уходов – характерный симптом кризиса культуры, получивший широкое распространение в жизни и литературе эпохи декаданса. Предисловие Ницше к «Человеческому, слишком человеческому» (1886) приобретает на этом фоне особое значение. На его страницах зарождается новая антропологическая парадигма эпохи. Ницше создает образ экспериментального человека *in extremis* и набрасывает инвариантную схему его становления, которая становится архетипической порождающей моделью для множества конкретных литературных сюжетов.

Ключевые слова: антропология, декаданс, дуализм, нигилизм, секуляризация, теозис, трансгрессия.

В большинстве высказываний Ницше на тему декаданса это понятие тесно соседствует у него с понятием «нигилизм». То и другое означает кризис веры в высшие ценности, но не в трансцендентного бога, а в жизнь, в ее монистическую, чувственно-сверхчувственную тотальность.

Дезинтеграция целого, будь то государство, личность или произведение искусства – старый упрек романтиков в адрес рационалистического Просвещения. После того, как Поль Бурже актуализировал этот признак применительно к Бодлеру и современному художествен-